

R.51005
2

1-20 895.562

ШОТА РУСТАВЕЛИ

ГРУЗИНСКІЙ НАРОДНЫЙ ПОЭТЪ

(СЪ ПОРТРЕТОМЪ)

Р51.005
2

6388=2000
23070333 0000

		127129

ТИФЛИСЬ, 1885

Типографія Ив. Ег. Питоева, Барятинская ул., д. № 8.

027.353.7-09.13

საქართველოს
ხალხთა ეროვნული
ბიბლიოთეკა

Дозволено цензурою, Тифлисъ 27 Апрѣля, 1885 года.

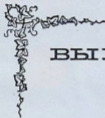
საქართველოს
ქრონიკონი

ШОТА РУСТАВЕЛИ
ГРУЗИНСКИЙ НАРОДНЫЙ ПОЭТЪ.

საქართველოს
ხალხთა ეროვნული
ბიბლიოთეკა

ВЫПУСКЪ 1.

ШОТА РУСТАВЕЛИ

ГРУЗИНСКІЙ НАРОДНЫЙ ПОЭТЪ.

I.

Къ тебѣ, *Неведомый*, за солнце, за эфиръ!
Люблю добро, плѣняюсь красотой,
И чувствую и вѣрю: встрѣчу *святъ*
За темною могилы мглою:

Ни идѣ истинья духу нѣтъ!

(Изъ поэмы „Безсмертіе души“.

А. П. Серебрянскаго).

~~~~~

Въ 1709 году, при грузинскомъ царѣ Вахтангѣ, въ городѣ Тифлисѣ положено было начало книгопечатанію открытіемъ типографіи, въ которой и была напечатана извѣстная поэма *Шота Руставели*, подъ заглавіемъ „*Барсова Кожа*“, ходившая до той поры въ рукописяхъ и спискахъ.

Со времени появленія въ свѣтъ книги, начинается распространеніе въ народѣ популярности Руставели и первыя гоненія противъ его произведенія со стороны духовенства того времени и особенно католикоса *Антонія I*, который, въ видахъ охра-

ненія своей паствы отъ соблазна, приказавъ собрать экземпляры „Барсовой Кожы“ и бросить ихъ въ р. Куру. Еще, впрочемъ, ранѣе этого оригинальнаго „поглощенія“ книги перваго народнаго поэта Грузин, царь Вахтангъ V-й впалъ въ другую крайность: печатая „Барсову Кожу“, онъ приложилъ къ поэмѣ свои собственные комментарии, гдѣ усиливался придать всему содержанію книги религіозно-символическое значеніе, чего на самомъ дѣлѣ въ книгѣ нѣтъ и небыло, даже по старымъ ея спискамъ.

Такова была первоначальная судьба „Барсовой Кожы“ до позднѣйшаго времени, т. е. до періода ея настоящаго распространенія, когда поэма Руставели вошла, такъ сказать, въ плоть и кровь грузинскаго народа.

Послѣдній персидскій погромъ 1795 года, убилъ и тѣ слабыя зачатки печатнаго дѣла, которые были положены за 86 лѣтъ предъ тѣмъ, и только чрезъ полвѣка слишкомъ послѣ Ага-Магомедъ-Хана, появился въ Тифлисѣ первый станокъ гражданской печати, которому пришлось печатать первый періодическій грузинскій журналъ *Цискари*, что означаетъ „Утренняя Заря“.

Что-бы еще болѣе отбѣнить личность автора

„Барсовой Кожи“, мы скажемъ нѣсколько словъ о воспитаніи дворянства, духовенства и простаго народа старой патріархальной Грузіи.

Дворянство того времени охотнѣе предпочитало перу и книгамъ мечъ и боевые доспѣхи, въ которыхъ страна постоянно нуждалась для своей обороны. Если же изъ среды дворянства и выдавались личности, предававшіяся умственнымъ занятіямъ, — то лишь съ предвзятою мыслью посвятить себя высшему духовному служенію въ званіи монашескомъ. Низшее бѣлое духовенство, *несвободное отъ крепостной кабалы*, мало чѣмъ отличалось отъ крестьянскаго сословія, коснѣвшаго въ невѣжествѣ. Чтобы овладѣть, на примѣръ, простой грамотностью, ребенокъ того времени долженъ былъ выдерживать цѣлыя пытки. На примѣръ, мальчикъ отдавался въ распоряженіе грамотѣя, называемаго *остати*, что значитъ „мастеръ“, „ученый“, и вотъ, послѣ исполненія всѣхъ домашнихъ работъ, начиналось самое ученіе: усѣвшись гдѣ нибудь въ углу, на земляномъ полу или просто на камнѣ, замѣнявшемъ столъ, ученикъ разворачивалъ засаленную четвертушку грубой синей бумаги, на которой выведены были каракули, составлявшіе *букварь*. Потомъ онъ зубрилъ *молитву*, которую нельзя найти ни въ одномъ

молитвенникѣ, вызубривалъ двѣ три сказки *) и тѣмъ, въ большинствѣ случаевъ, ученіе кончалось. Въ рѣдкихъ случаяхъ мальчику удавалось уцѣлѣть отъ палки учителя. Наказаніями служили: привязываніе къ столбу и битье палкою по спишѣ или по пятамъ; для послѣдней цѣли ноги провинившагося вздергивались къ верху, продѣтыя въ ременную петлю, прикрѣпленную къ толстому, гладко выструганному шесту, который во все время экзекуціи поддерживался съ обѣихъ концовъ двумя лицами изъ домочадцевъ *остати*, а самъ онъ наносилъ удары палкой или плетью. Этотъ снарядъ учебной пытки назывался *табала*, и былъ заимствованъ грузинами у персіанъ.

Если мальчикъ предназначался къ духовному званію, то его учили церковной печати по псалтырю или часослову. Не будь *бычачьей лопатки*, трудно сказать, многіе-ли получили-бы возможность научиться письму, такъ какъ бумага въ старой Грузіи составляла величайшую рѣдкость; даже царямъ грузинскимъ подавались просьбы на мизерныхъ долговатыхъ лоскуткахъ и разрѣшенія получались на нихъ-же, для большей экономіи.

*) Какъ напримѣръ, сказка: о *Безжанѣ* и *Манижквѣ* и друг.

Вотъ именно среди какихъ соотечественниковъ родился авторъ „Барсовой Кожи“, получившій однако воспитаніе въ Греціи—въ афинскихъ школахъ, и изъ обыкновеннаго смертнаго, превратившійся въ „классика“ чистой воды и, за тѣмъ, въ славнаго грузинскаго поэта, котораго *знаетъ и обожаетъ* весь грузинскій народъ—до послѣдняго, буквально, человѣка.

Значеніе симпатичной личности Шота Руставели, какъ человѣка, совершенно какъ-то ступшевывается среди массы его стиховъ, выучиваемыхъ и повторяемыхъ на всѣ лады—въ такъ называемой—новѣйшей грузинской литературѣ и современномъ намъ грузинскомъ обществѣ.

Скажемъ болѣе: существовали и существуютъ нынѣ правильно организованные комитеты для редактированія, т. е. новаго выпуска въ свѣтъ „Барсовой Кожи“, (по мѣрѣ расходованія напечатанныхъ экземпляровъ книги); но не существовало еще любителя или знатока грузинской письменности, котораго-бы интересовала личность Руставели „непосредственно“—какъ человѣка и поэта. Даже извѣстный грузинистъ, бывшій профессоръ Чубиновъ (въ Петербургѣ), не могъ сообщить

намъ болѣе подробныхъ свѣдѣній о Руставели, кромѣ имѣющихся у насъ подъ руками.

Вотъ причина, въ силу которой мы медлили печатаемъ перевода на русскій языкъ отрывковъ изъ „Барсовой Кожы“, хотя литературный матеріалъ былъ приговоренъ годъ тому назадъ. И такъ, мы передаемъ читателямъ только свѣдѣнія, имѣющіяся, какъ говорятъ, въ наличности.

Шота Руставели родился въ послѣдней четверти двѣнадцатаго вѣка, въ незначительномъ городѣ Рустави (Ахалцихской провинціи). Слѣдовательно придаточное *Руставели* произошло отъ названія мѣстности; самъ-же поэтъ носилъ фамилію—*Шота*. Возвратившись изъ Греціи, гдѣ онъ получилъ образованіе, Шота выступилъ въ свѣтъ съ своими стихотвореніями, обратившими вниманіе грузинской царицы Тамары, слывшей, какъ извѣстно, покровительницей наукъ, поэзіи и искусствъ. Если вѣрить преданіямъ, то царица Тамара, желая поощрить талантливаго Руставели, назначила его своимъ казнохранителемъ и вмѣстѣ придворнымъ поэтомъ. Будучи такимъ образомъ обезпеченъ въ матеріальномъ отношеніи, Шота Руставели написалъ свою обширную поэму *Барсова Кожя* или, называя вѣрнѣе, „Человѣкъ въ бар-

совой кожѣ“. Поэма была встрѣчена вполнѣ сочувственно, читалась въ первый разъ при дворѣ въ присутствіи Тамары и ея вельможъ, а Руставели, осыпанный похвалами и богатыми подарками, получилъ еще въ даръ *золотое перо*.

Но, увы, судьба людей бываетъ превратна: пышный и величественный поэтъ тогдашней Грузіи, столь торжественно начавшій свою литературную карьеру, вдругъ поворотилъ „круто—назадъ“ и изъ блестящаго придворнаго щеголя неожиданно превратился въ смиреннаго инока, т. е. монаха одного изъ Іерусалимскихъ монастырей... По свидѣтельству грузинскаго митрополита Тимоѳея, путешествовавшаго въ концѣ восемнадцатаго столѣтія по „святымъ мѣстамъ“, Руставели погребенъ въ монастырѣ Святаго Креста, гдѣ также (въ его время) хранился портретъ покойнаго поэта.

Что послужило причиною столь быстрой переменѣ въ жизни грузинскаго поэта,—пока неизвѣстно, но, утверждаютъ, что наглавиѣйшимъ поводомъ послужила *любовь*, пламенная, жгучая, безумная любовь, столь часто присущая горячимъ сыновьямъ нашего раскаленнаго юга!

Молодой и опыяненный своими первыми успѣхами на поприщѣ литературной славы, Шота Рус-

тавели влюбился... въ свою-же поведительницу и царицу, въ красавицу Тамару!...

И бѣдному поэту не прошло, конечно, даромъ его безумное въ извѣстной степени увлеченіе, и только суровая монашеская ряса, да рановременная старость примирили прежняго любимца Апполона и Музъ съ жизнью, которая вначалѣ столь свѣтло и радостно улыбнулась молодому баловню женщинъ и счастья...

Что преданіе о платонической любви Руставели къ Тамарѣ не есть просто вымыселъ—это можно заключить изъ самой поэмы, написанной пылкимъ, страстнымъ языкомъ, огненными стихами: *настоящимъ языкомъ влюбленнаго поэта.*

Поэма Руставели есть—въ нѣкоторой степени—гимнъ: „любви“, „добру“ и „красотѣ“, а главнѣйше *женщинамъ*, предъ которыми авторъ „Барсовой Кожки“ благоговѣлъ, какъ предъ лучшими изъ созданій природы...

Причину такого идеальнаго поклоненія грузинскаго поэта представительницамъ прекраснаго пола можно еще объяснить слѣдующими предположеніями:

Извѣстно, что положеніе женщинъ у всѣхъ

восточныхъ народовъ было въ тѣ времена самое *угнетенное*. Личность и права ихъ стояли не выше личности и правъ рабовъ. Воля или, лучше сказать, деспотизмъ мужей былъ закономъ для женъ, а отцовъ для дочерей. Невѣсты выходили замужъ не по свободному выбору, а по волѣ родителей, за кого и съ какою-бы цѣлью эти послѣдніе ни выдавали ихъ. Бѣдной женщинѣ запрещено было, даже и подъ „вѣнцомъ“, взглянуть на того чело-вѣка, чьею женою или собственностью она дѣлалась. Этотъ варварскій обычай, существующій еще и до нашихъ дней у многихъ народовъ Востока, не могъ, конечно, не отразиться на жизни „тогдашней“ хотя и христіанской уже Грузіи... Гнѣтъ и попраніе правъ женщины были не чужды грузинской семьѣ, хотя, конечно, и не въ такой степени, какъ у окружавшихъ ее мусульманскихъ народовъ. И вотъ, когда избранная грузинская молодежь стала получать образованіе въ греческихъ школахъ, заимствуя у аѳинянъ плоды греко-римской цивилизаціи, то они, греко-грузины, явились пионерами просвѣщенія на своей родинѣ, и съ тѣхъ временъ умственное развитіе ихъ соотечественниковъ и вообще уровень пониманія вещей сталъ замѣтно расширяться. Въ это-же время не могъ,

конечно, между прочимъ, не проясниться и у „на-
рода“ взглядъ на женщину и ея человѣческое пра-
во, въ силу чего эта вѣковая, безответная стра-
далица, мало по малу стала освобождаться отъ
непрестанно душившаго ея ига и постепенно зани-
мать должное ей мѣсто въ семьѣ и даже въ об-
ществѣ.

Шота Руставели былъ въ числѣ первыхъ пио-
неровъ, насадителей христіанской цивилизаціи въ
средѣ своего народа и, того-же Руставели, безъ
преувеличенія, можно назвать первымъ бойцомъ за
эмансипацію грузинской женщины.

Вообще говоря, новая тогда *идея* о свобод-
номъ выборѣ невѣстами жениховъ распространи-
лась по Грузіи въ концѣ XII вѣка, почитаемаго
въ грузинской исторіи *золотымъ вѣкомъ* грузин-
скаго народа, во всѣхъ отношеніяхъ.

Происхожденіе своего „золотаго вѣка“ гру-
зины всецѣло приписываютъ царицѣ Тамарѣ, и по
этому, надобно полагать, что вопросъ объ „эман-
сипаціи грузинской женщины“ послужилъ, такъ
сказать, единственною *почвою*, на которой сош-
лись: *знаменитая царица* и совершенно „без-
извѣстный“, *но будущій народный поэтъ* Грузіи.
Постепенное затѣмъ сближеніе этихъ двухъ пред-

ставителей тогдашней *цивилизующей* мысли заставило, конечно, воспримчиваго Руставели сдѣлать первый шагъ по „новому пути“, т. е. воспроизвести въ поэтическихъ формахъ выраженіе *идеи* „нравственного совершенства“, осуществленіе которой онъ видѣлъ въ величественной, юной и прекрасной царицѣ Тamarѣ и въ ея духовно-возраждающемъ народѣ. . . И вотъ, въ результатѣ такого счастливаго вѣдѣнія судебъ—явилась въ свѣтъ прелестная, оригинальная поэма *чувствъ и нравовъ*, или „Барсова Кожа“, вдохновеннаго Тamarой Руставели.

Считая, однако, не совсѣмъ удобнымъ указывать на царственныя лица, воспроизведенныя въ „Барсовой Кожи“, поэтъ—авторъ изящными чертами нарисовалъ ихъ въ образахъ иныхъ, какъ-бы чужеземныхъ властителей—изъ вымышленнаго имъ царства въ Индіи. Царицу Тamarу поэтъ воспроизвелъ въ образѣ индійской царевны *Нестань Дареджанъ*, а мужа ея, *Давида-Сослана*, въ образѣ красавца *Тариеля*.

Укажемъ на нѣкоторые доводы, подтверждающіе высказанное предположеніе а именно: *Нестань-Дареджанъ*, какъ видно изъ содержанія поэмы, была единственная дочь персидскаго царя Парсадана.

Тамара, въ свою очередь, была единственною дочерью грузинскаго царя Георгія III. Воспитаніе Дареджанъ царь Парсаданъ поручилъ сестрѣ Даварѣ; въ свою очередь воспитаніе царевны Тамары было ввѣрено Георгіемъ сестрѣ своей Русудани; она воспитывала ее вмѣстѣ съ своимъ малолѣтнимъ родственникомъ, по мужу, Давидомъ Сосланомъ, точно также, какъ и Нестанъ Дареджанъ воспитывали съ малолѣтнимъ Таріелемъ.

Слѣдствіемъ общности воспитанія, у Дареджанъ и Таріеля явилась взаимная любовь; царевна Тамара по той-же причинѣ была привязана съ малолѣтства къ осетинскому владѣтельному князю Давиду Сослану.

Далѣе, рассматривая содержаніе поэмы, мы видимъ, что Парсаданъ, изъ политическихъ цѣлей, хотѣлъ выдать дочь свою за сына Шаха Хваразшскаго, но что Дареджанъ воспротивилась этому плану.

По сказаніямъ грузинскихъ лѣтописей, Шахъ Хваразшскій искалъ также руки Тамары и тоже получилъ отказъ.

Кромѣ указаннаго сходства исторіи Дареджанъ и Таріеля съ исторіей Тамары и князя Давида, есть также сходство относительно мѣста дѣйствій

героевъ Индіи съ Грузіею. Такъ напр. поэтъ раздѣляетъ Индію на семь царствъ, подчиненныхъ царю-царей Парсадану. По свидѣтельству грузинскаго историка *Вахушта*, отецъ Тамары, Георгій III, былъ „протекторомъ“ царствъ: Карталинскаго, Кахетинскаго, Абхазскаго, Геретинскаго, Сохтабегскаго, Рачинскаго и Осетинскаго, и именовался поэтому царемъ-царей.

Любимый супругъ царицы Тамары, князь Давидъ, былъ сынъ владѣтеля одного изъ этихъ царствъ, Осетин, признавшей власть грузинскихъ царей надъ собою позже другихъ— подобно отцу Таріеля въ поэмѣ.

Наконецъ, упоминаемая въ поэмѣ крѣпость „Каджовъ“, въ которой заключена была Нестань-Дареджанъ, по картамъ грузинскимъ, находилась въ нынѣшнемъ Ахалцихскомъ уѣздѣ.

Кто читалъ „Барсову Кожу“, тому извѣстно, что общее впечатлѣніе не останавливается на вводимомъ персоналѣ множества дѣйствующихъ лицъ, и что поэма всецѣло приковываетъ вниманіе читателя къ Нестань-Дареджанъ (Тамарѣ) и возлюбленному ея, Таріелю (Давыду), такъ какъ обаяніемъ ихъ однихъ сказывается вся прелесть поэмы. Главнѣйшія-же изъ второстепенныхъ лицъ поэ-

мы, принимающія живое участіе въ судьбѣ „пер-
выхъ“ ея героевъ, въ то же время служатъ вы-
разителями особо задуманной мысли или какой-ли-
бо стороны грузинской жизни, а именно: Автан-
диль, Тиватина, Придонъ, Асмать и друг.

Основными чертами характера двухъ первыхъ
героевъ поемы, *Дареджанъ* и *Таріеля*, служить
выраженіе „непоколебимой супружеской любви“,
основанной на „свободномъ выборѣ и разумномъ
пониманіи взаимныхъ личныхъ достоинствъ“, а не
исключительно на страсти или бессознательной
привязанности.

Эта своеобразная характеристика „чистой
любви“, въ связи съ мастерскимъ изображеніемъ
національныхъ особенностей грузинскаго народа,
развита у Руставели съ замѣчательной послѣдова-
тельностью.

Вѣрность и привязанность царицы Нестанъ
Дареджанъ къ избраннику сердца прости-
рается до того, что она скорѣе рѣшается огорчить
нѣжно любимыхъ ею родителей „противорѣчіемъ“, не-
жели сдѣлаться женою нелюбимаго ею человѣка (Ха-
на Хварашскаго). Мало того: что-бы остаться вѣр-
ною Таріелю и избавить себя отъ нежеланнаго бра-

ка, она подаетъ даже своему возлюбленному мысль — умертвить сына Хана Хваразшскаго!

Но за это преступленіе суждено было обоимъ имъ перенести много страданій и приключеній прежде, нежели достигнуть своей цѣли. Нестань-Дареджанъ внезапно была похищена и увезена въ неизвѣстныя страны, но и въ этой неизвѣстности она остается вѣрной до конца своему Таріелю, не взирая на всѣ соблазны и долгую разлуку. Такъ на примѣръ, вслѣдъ за похищеніемъ изъ отцовскаго дома, послѣ цѣлаго ряда приключеній, Дареджанъ попадаетъ во власть царя „морскихъ владѣній“, который предназначаетъ ее въ невѣсты своему наслѣднику, но Дареджанъ, не взирая на то, что она ничего не знаетъ о судьбѣ Таріеля, все-же не забываетъ его, и скорѣе предпочитаетъ покончить самоубійствомъ, нежели измѣнить своему возлюбленному. Въ силу такого рѣшенія, молодая невѣста подкупаетъ своихъ прислужницъ и бѣжитъ ночью, сама не зная куда, при помощи *Патасани*. Попавши за тѣмъ случайно къ Каджетскому царю, Дареджанъ встрѣчаетъ тѣ-же почести, что и во дворцѣ морскаго владыки и молодой красавицѣ вновь представляется случай сдѣлаться царицею *Каджетскаго царства*, но Дареджанъ и здѣсь чужда мысли измѣнить Та-

рiелю и, вслѣдствiе принужденiя, она снова рѣшается на самоубiйство. Но въ самую критическую минуту Дареджанъ суждено было быть освобожденной своимъ Тарiелемъ и вступить съ нимъ въ давно желанный бракъ...

Характеръ Тарiеля столь-же удачно воспроизведенъ авторомъ „Барсовой Кожи“, какъ и характеръ Дареджанъ. Съ момента, когда Тарiель узнаетъ о похищенiи своей невѣсты, любящая его душа не знаетъ покоя, пока, наконецъ, онъ не находитъ невѣсту при помощи своего друга Автандила.

Тарiель неутомимо ищетъ свою возлюбленную; повсюду борется со многими бѣдствiями и приключенiями, не теряя силы воли и не падая духомъ. И хотя, наконецъ, Тарiель теряетъ всякую надежду найти свою невѣсту, но образъ любимой женщины не перестаетъ постоянно царить въ его душѣ. Въ моментъ полнаго отчаянiя и безысходной скорби, Тарiель покидаетъ людей и удаляется въ пустыню, чтобы поселиться въ пещерѣ... Тутъ, на лонѣ вѣчно юной природы, онъ живетъ лишь мыслью о Дареджанъ и потухающей постепенно надеждой-когда нибудь найти свою милую. Когда-же молодой пустынный получаетъ письмо отъ Дареджанъ, то немедленно спѣшитъ съ друзьями въ Каджетское

царство съ цѣлью освободить невесту, хотя бы это ему стоило жизни.

Развитіе характерныхъ мотивовъ героя и тейроини поэмы было, какъ сказано, главной задачей поэта; но какъ содержаніе поэмы выражало собою *народный эпосъ*, то это обстоятельство побудило Шота Руставели ввести въ поэму цѣлый рядъ отдѣльныхъ героическихъ типовъ.

Такъ, изъ второстепенныхъ героевъ поэмы первое мѣсто, безъ сомнѣнія, занимаетъ *Автандилъ*.

Дружба Таріеля съ Автандиломъ напоминаетъ собой дружбу Кастора и Поллукса, хотя имѣетъ еще и другую подкладку.

Молодой и пылкій Автандилъ любитъ прекрасную *Тинатину* и надѣется получить ея руку, но непредвидѣнные обстоятельства заставляютъ его покинуть родину и цѣлыхъ три года искать, по просьбѣ и порученію Тинатины, неизвѣстнаго и загадочнаго „человѣка въ барсовой кожѣ“, по имени Таріеля. Онъ рѣшается исполнить порученіе „своей милой“ не взирая на предстоящія приключенія, а быть можетъ, и неожиданную смерть. Между тѣмъ, сдѣлавшись другомъ Таріеля и узнавъ о судьбѣ Дареджанъ, Автандилъ принимаетъ такое живое участіе въ судьбѣ влюбленныхъ, что и самъ

не хочет быть счастливымъ, пока не сдѣлаетъ та-
кимъ-же своего друга Таріеля...

Хотя Автандиль, по настоятельной просьбѣ
Таріеля, и возвращается на родину, чтобы извѣ-
стить царя Ростевана и Тинатину объ успѣхѣ
предпріянія и о судьбѣ найденнаго имъ юноши,
но немедленно спѣшитъ опять назадъ на помощь къ
другу—Таріелю. Любовь къ Тинатинѣ привязываетъ
его къ родинѣ, но онъ побѣждаетъ это горячее чув-
ство ради высокаго и святаго чувства дружбы!

Ни слезы Тинатины, ни гнѣвъ царя не оста-
навливаютъ молодаго героя и онъ тайкомъ бѣжитъ
изъ царства и родины...

Посоветовавшись съ Таріелемъ, Автандиль
предпринимаетъ далекое странствованіе съ цѣлью
„отыскать“ Дареджанъ и соединить ее съ Та-
ріелемъ.

Много труда, приключеній и опасностей сто-
ило пылкому юношѣ это самоотверженное странство-
ваніе, пока, наконецъ, его предпріятіе не увѣнча-
лось полнымъ успѣхомъ. Освободивъ при помощи
Таріеля Дареджанъ изъ Каджетской крѣпости, Ав-
тандиль со слезами радости присутствуетъ при об-
рядѣ вѣнчанія своихъ молодыхъ друзей и первый
поздравляетъ ихъ съ началомъ новой жизни и но-
ваго счастья!

Этого мало: онъ не покидаетъ своего друга и въ дальнѣйшемъ. Возвратясь вмѣстѣ съ новобрачными на родину и женившись на возлюбленной своей Тинатинѣ, Автандилъ собираетъ многочисленное войско и идетъ походомъ въ отечество своего друга, въ Индію (вмѣстѣ съ Таріелемъ), чтобы отнять эту страну у незаконныхъ ея влaстителей (ибо отецъ Дареджанъ, бездѣтный Парсаданъ, уже умеръ) и вручить корону индійскую Дареджанъ и Таріелю, сдѣлавъ ихъ такимъ образомъ вполне счастливыми.

Слѣдующій, затѣмъ, герой поэмы *Придонъ*, второй другъ Таріеля, менѣе характеренъ; заслуги его не такъ безкорыстны, какъ Автандила, оттого что, по долгу взаимности, онъ обязанъ былъ помогать Таріелю, оказавшему ему большія услуги на войнѣ противъ враговъ. Въ характерѣ Придона есть воспроизведеніе другой нравственной стороны грузинской народной жизни: это высокое попятіе народа о гостепрѣимствѣ не только знакомыхъ и друзей, но даже и странниковъ.

Наконецъ, *Асматъ*, фрейлина Дареджанъ, представляетъ собой идеаль вѣрности и преданности своей повелительницѣ. Она, принимавшая живое участіе при первомъ знакомствѣ Таріеля съ Дареджанъ, не оставляетъ ихъ до конца. Асматъ по-

всюду сопровождаетъ Таріеля во время его страствованій, служа утѣшительницей и поддержкой въ минуты отчаянія и т. д.

Характеръ Асмать всего лучше обрисовывается въ разговорѣ ея съ Авгандиломъ, требовавшимъ открыть ему „инкогнито“ пустытника—Таріеля. Здѣсь Асмать рѣшается умереть подъ ударами кинжала, но не выдавать ввѣренной ей тайны...

Передавъ въ общихъ чертахъ содержаніе поэмы „Барсова Кожа“, мы еще скажемъ нѣсколько словъ о *языкѣ и письменахъ древнихъ грузинъ*.

Было время, когда грузинскіе лѣтописцы единогласно утверждали, что будто-бы „въ древнія времена“ всѣ грузины говорили *армянскимъ языкомъ*, потому что они съ армянами одного и того же *Таргамосіанскаго* поколѣнія; когда же Персіане завоевали Грузію, Арменію, Сирію и всѣ восточныя греческія провинціи, то въ то время въ Грузіи говорили на пяти языкахъ: *армянскомъ, козарскомъ, ассирійскомъ, еврейскомъ и греческомъ*. Населеніе края, по словамъ тѣхъ-же лѣтописцевъ, составило, будто-бы, изъ смѣси названныхъ пяти языковъ. Одинъ свой собственный языкъ *грузинскій*, упо-

требляемый во всѣхъ грузинскихъ областяхъ, и съ нѣкоторыми измѣненіями въ Мингрелии и Саатабаго.

Вообще-же говоря, древне-грузинскій языкъ въ произношеніи тверже и выразительнѣе современнаго намъ грузинскаго языка, заглушаемаго въ разговорной рѣчи „гортаннымъ произношеніемъ“ многихъ буквъ, по подобію другихъ азіатскихъ языковъ.

Сочиненіе словъ на грузинскомъ языкѣ весьма „вольное“, на подобіе, напримѣръ, греческаго, вслѣдствіе чего языкъ родины Шота Руставели крайне гибокъ и въ извѣстной степени разнообразенъ, т. е. гиперболченъ и витіеватъ.

Фразировка грузинскаго слога весьма способна къ переноснымъ знаменованіямъ, а потому версификацію грузинскихъ стиховъ можно назвать разнообразною до крайности. Для примѣра приведемъ выдержку изъ старой поэмы въ стихахъ преосвященнаго католикоса Антонія—въ пѣсни къ пѣсни къ одному изъ тринадцати сирійскихъ отцевъ просвѣтителей Грузіи—святому *Исе* или *Иисусу*.

Текстъ обращенія пѣсни на грузинскомъ языкѣ слѣдующій:

„Агмосавалса самтеноса *самотхэ*,
Квавиль мравални беври ара *самотхэ*,

Ара эртъ кутхедъ упроста мебрь *самотхэ*,
Гвтивъ сцавлитиса гвигмень Исе *самотхэ*,
Султъ магрилобель рто пурцлованъ *самотхэ*“.

Въ русскомъ переводѣ эту пѣснь передаютъ слѣдующими словами:

„На востокѣ, изливающимъ свѣтъ, рай:
Тамъ цвѣтовъ многое множество, не три и не четыре,
Не на одной сторонѣ, но на всѣхъ четырехъ.
А ты, Исе, божественное ученіе содѣлалъ для насъ
мѣстомъ прогулки (пріятнымъ раемъ):
Оно душамъ прохлада, какъ листовенное, пріягное
древо“.

Въ пѣсни поэта архипастыря—грузина слово *самотхэ* во всѣхъ пяти строкахъ имѣетъ совершенно отдѣльное и самостоятельное значеніе.

Слѣдующій и еще болѣе разительный примѣръ замѣчательной выразительности и гибкости грузинской рѣчи, мы возьмемъ у стараго грузинскаго поэта Чахрухадзе, изъ поэмы его *Тамариани*, посвященной царицѣ Тамарѣ.

Этотъ небывалый въ своемъ родѣ версификаторъ—поэтъ, въ первыхъ строфахъ своей поэмы говоритъ:

„Тамаръ—цкнари, шесацкнари, хманарнари, ширм-
цинари,

Мзэ мцинари, сачинари, цкалимкнари, момцинари!

По русски это значить:

— „Тамара кроткая, пріятная, сладкогласная, улыбающаяся!“

— „Солнце-блистательная, выдающаяся, тиховодная, рѣкѣ полной подобная!“

Безъ преувеличенія говоримъ, что ни одинъ языкъ въ мірѣ, не исключая даже италіанскаго и французскаго языковъ, не представляетъ собой такого богатства матеріала для выраженія поэтической мысли въ музыкальной формѣ слова, какъ языкъ грузинскій въ его старомъ древне—грузинскомъ нарѣчїи!

Красота и образность созвучій и метровъ выработали для старо-грузинской поэзіи слѣдующіе „типы“ или роды стихосложенія:

Первый и самый древній родъ называется *Шайри*. Онъ состоитъ изъ четверостишій, имѣющихъ на концѣ каждаго стиха одинаковую рифму.

Этимъ размѣромъ писалъ авторъ „Барсовой Кожи“, Шота Руставели.

оо — оо — оо оо — оо — оо

Ромелманъ шекмва самкаро залита митъ зліерита

Зе гардмоарсни сулита квна зецить монаберита,
 Чвенъ кацта могвца квекана гваквсъ утва лави
 перита
 Да мисганъ арсъ ковли хелмципе сахита мисъ
 мiерита“.

Второй родъ называется *Чахрухаули*, изобрѣтенъ авторомъ поэмы „Тамаріани“, о которой мы говорили выше.

о о — о о о — о о о — о о о — о

П р и м ѣ р ь:

„Тамаръ цквари, шесацквари, хманарнари, пирм-
 цинари... и т. д.

Есть еще одинъ родъ стиховъ *Чахрахаули*, метръ коихъ слѣдующій:

о о — о о о о — о о о о — о о о о — о о

Третій родъ—*Рули* состоитъ изъ восьми стиховъ однорифменныхъ. Метръ его такой-же какъ *Шайри*.

Четвертый родъ—*Загнакорули*, и состоитъ изъ трехъ стиховъ, изъ которыхъ первые два одного метра и имѣютъ одну рифму, а третій безъ рифмы и особеннаго метра.

1—2

о о — о о о о — о о

По русски это значить:

„Гіацинтъ на меня прогнѣвался, я приобѣгнулъ къ нарцизу;

И съ кровавыми слезами слова вымолвилъ...

и т. д.

Къ слову. Нѣкоторые грузинскіе лѣтописи относятъ изобрѣтеніе грузинскаго письма ко временамъ Фарнабаза, перваго царя грузинъ. Собственно же говоря, со временъ царя Давида — Возобновителя, молодые избранные грузины стали получать образованіе за границей. Изъ числа ихъ слѣдуетъ назвать философа Іоанна Петриція, какъ переводчика богословскихъ и философскихъ сочиненій съ греческаго на грузинскій языкъ. Во время царицы Тамары ознаменовали себя разными сочиненіями „прозаики“: Моисей Хонель (*) Сергисъ Тмогвели (***) и извѣстные уже читателямъ поэты: Руставели и Чахрухадзе. Со смертью Тамары началось вшествіе Чингизъ-Хана и цивилизація грузинъ рухнула на весьма долгое время... Въ тяжелое для грузинскаго народа время, любо-

*) Авторъ романа — „Дареджаніани“.

**) Авторъ романа: „Висраміани“ во вкусѣ переписки „Элоизи“ Руссо.

знательные люди того времени занимались персидской литературой; всё почти болѣе или менѣе состоятельные князья имѣли небольшія коллекціи „персидскихъ книгъ“ и только при царѣ Иракліи и католикосѣ Антонѣ настала для грузинъ эпоха возстановленія утраченныхъ ими умственныхъ и нравственныхъ благъ.

Далѣе. Первымъ составителемъ грузинскаго лексикона былъ Савва Орбелиани, трудившійся надъ нимъ около тридцати лѣтъ, по повелѣнію царей Арчила и Георгія.

Лѣтописцемъ грузинскимъ былъ князь Вахуштъ Багратіонъ. Нѣкоторое хронологическое сокращеніе этой-же лѣтописи написалъ католикосъ Антоній; а также въ 1800 году напечаталъ въ Тифлисѣ и свою сокращенную лѣтопись царевичъ Давидъ.

И такъ, перечисливъ выдающіеся литературные памятники грузинской старины, переходимъ теперь къ поэмѣ „Барсова Кожа“, переложенной нами рифмованными стихами.

Само собою слѣдуетъ, что перевести поэму „Барсова Кожа“ дословно и съ сохраненіемъ мельчайшихъ огѣнковъ подлиннаго ея текста, не представляется возможнымъ по двумъ причинамъ, во первыхъ:

мы живемъ отъ Руставели на пространствѣ семи столѣтій времени, а во вторыхъ—исключительныя обороты грузинской рѣчи, о которыхъ сказано выше, не могутъ быть передаваемы съ пунктуальной точностью ни на одномъ языкѣ въ мірѣ. По этому, настоящій переводъ отрывковъ „Барсовой Кожи“ есть не болѣе, какъ чуткое, но совершенно близкое подражаніе грузинскому народному поэту въ его своеобразной, на манеръ **ВОСТОЧНЫХЪ** импровизацій, поэзи и отличительныхъ красотахъ роднаго ему музыкальнаго слова...

Поэма „Барсова Кожа“, въ томъ видѣ, какъ она дошла до насъ, вмѣщаетъ *сорокъ двѣ главы* и составляетъ сравнительно говоря, объемистый томикъ, написанный рифмованными четверостишіями, занимающій 183 страницы мелкой, убористой печати.

Какъ *первый христіанскій поэтъ* своего вѣка, *Шота Руставели* начинаетъ свое произведеніе грандіознымъ гимномъ къ творцу міровъ-Богу.

БАРСОВА КОЖА.

Кто создалъ Вселенную
Неземною силой, (*)
Общалаъ петлѣнную
Жизнь намъ за могилой;
Кто украсилъ землю
Свѣтомъ и цвѣтами?—
Тотъ, кому я внемлю
И хвалю устами;—
Тотъ великъ, средь высей,
Въ сонмѣ мірозданья
И прекрасный міръ сей,
Перлъ его созданья!
Кто создалъ народы,—
Чудную природу?
Боже Царь—свободы,
Дай и мнѣ свободу...
Защити въ злой долѣ,
Въ жизни дай умѣнье,
А къ „свободной волѣ“
Кротость и терпѣнье.
Смерть! и въ вѣчность капу

(*) Въ подлинникѣ: „силы своей силой“!

Я, пѣвецъ народный;
Пусть-же я предстану
Предъ тобой *свободный?*!

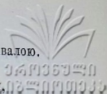
* *
*

Но пока я живъ и въ мирѣ
Пребываю въ чудномъ этомъ,
Я слагаю пѣснь на лирѣ,
Я рожденъ тобой поэтомъ!
Ты даешь кусокъ мнѣ хлѣба,
Одѣяніе простое,
Миръ цвѣтовъ, улыбку неба —
Солнце вѣчно золотое...
Я живу далѣкъ отъ горя,
Дни за днями пробѣгаютъ;
Я поэтъ и волны моря
Пѣсни въ честь мою слагаютъ.
Звѣзды, въ часъ безлунной ночи,
Шлютъ привѣтъ мнѣ издалѣка,
И сверкаютъ словно очи —
Отъ всевидящаго Ока!
Чуденъ миръ твой первородный,
Ярко блещетъ вся природа.
Я, пѣвецъ Грузинъ народный,
Пѣснь слагаю для народа.
Какъ потокъ стремятся звуки,
Рифмы вяжутся толпою,
Пусть народа дѣти, внуки,
Пусть идутъ моей тропою.

Пусть Грузиновъ поколѣнья,
Размножась на этомъ шарѣ,
Пусть читають восхваленья,
Что слагаю я *Тамарь!*...
Льву подобна—величавой,
Силой мощи—эта Львица
Правитъ Грузіей со славой
Дѣва—солнца и Царица.
Блещетъ царская корона,
А въ бояхъ знамена вьются;
Отъ златыхъ ступеней трона
Правда, милость, блага льются.
Весь востокъ поетъ ей ъды;
Ей легко правленья бремя;
Вѣкъ—Тамары, вѣкъ—свободы;
„Золотое“ наше время...
Вѣкъ воинственный, бурливый,
Въ эти дни для всей вселенной,
Есть для Грузіи счастливый
Въ дни Тамары незабвенной.
Дни Тамары славны, громки,
Это истина—не грѣзы;
Пусть же вѣдають потомки,
Какъ мы лили кровь и слѣзы.

* *
*

Пѣсни чудныя излейтесь
Вы жемчужною струею;
Люди, музы, боги слейтесь

Въ общій гимнъ съ мсей хвадою.

Въ черномъ бисерѣ купаю

Я перо, хрусталь нагорный,

И къ сравненьямъ приступаю

Словно рабъ мечтѣ покорный:

Бисеръ—очи у Тамары,

Станъ ея—хрусталикъ стройный,

Взглядъ, страшнѣе Божьей кары:

Нѣжно-свѣтлый, грозно-знойный.

Поступь, мягкость всѣхъ движеній,

Граціозны какъ у Львицы,

Выше всякихъ выраженій,—

Какъ у истинной Царицы!

* *

Мнѣ позволили сравненья,

Но сравненій не хватило;

Слово—даръ, но вѣтъ умѣнья

Словомъ выразить — *свѣтило!*

* *

Я возьму свинецъ тягучій,

О кремень ударю жесткій,

Минераль, собой могучій,

Весь разсыплется на блестики...

Такъ и сердце у мужчины

Сердцу женскому отвѣтно:

Безъ сознанья, безъ причины

Отдается беззавѣтно...

* *

364136340
313-701101030

Да! теперь мнѣ нуженъ разумъ,

Сила слова огневая,

Что-бъ чарующимъ расскажемъ

Жить, Тамару воспѣвая...

Нужно свѣтлое искусство,

Краски яркія и сила,

Чтобы пламенное чувство

Не взяла съ собой могила!

Что-бы пѣсни ураганомъ

Пронеслись на эту тѣму,

Что-бъ забвенія туманомъ

Не застлало мнѣ поэму.

Я хочу, чтобъ міръ унылый

Зналъ, любилъ-бы пѣсню эту,

И что-бъ вѣтеръ легкокрылый

Разносилъ её по свѣту.

* *
*

Я поэтъ, а въ мірѣ этомъ,

Всѣхъ судьба насъ отмѣчаетъ:

Озаривъ таланта свѣтомъ,

Пышно лаврами вѣнчаетъ!

Потому... герой мой главный,

Таріели знаменитый,

Вамъ предстанетъ гордый, славный,

Рыцарь лаврами увитый...

Онъ въ исторіи воспѣтый,

Былъ герой грузинской славы,

Въ *кожу барсову* одѣтый,
    Легендарный, величавый.
Онъ въ бояхъ какъ левъ спокоенъ,
    А въ любви нѣжнѣй свирѣли!
Вотъ кто былъ грузинскій воинъ
    Несравненный *Таріели*...

* *
*

Пойте такъ, какъ дѣды пѣли,
    Внуки будущихъ временъ;
Я-же, Шота Руставели,
    Даромъ пѣсни одаренъ.
Пѣснь моя волной клокочетъ,
    Бурно бьется, какъ каскадь,
Голосъ мой проникнуть хочеть:
    Въ небо, въ землю—свѣтъ и адъ!

* *
*

Красота мнѣ идеаломъ
    Служить въ жизни день отъ дня;
Въ безконечно этомъ маломъ:
    Миръ великій. . для меня!
А *любовь* есть грань завѣта:
    Путь и къ сердцу, и уму;
Море внутренняго свѣта,
    Озаряющаго тьму...
Чувствомъ я «*мірамъ*» внимаю —
    Полонъ образовъ и грезъ,
Чувствомъ мысленно взлетаю,
    Какъ орелъ я до небесъ...

* *
*

Лейтесь слёзы, сердцу больно,
Грудь закована въ броню;
Этотъ міръ любя невольню,
Я, подчасъ, его браню...
Прозу жизни: радость, горе,
Въ форму рифмы вылилъ я;
И стихи блестять какъ море,
Какъ алмазная струя...

* *
*

Про *любовь* теперь два слова.
Я какъ сказку расскажу;
Сказку старую за—ново --
Я въ стихи переложу.

* *
*

Да! для женщины—*избранникъ*
Долженъ быть блестящъ собой:
Всѣмъ достоинствамъ онъ данникъ,
Сынъ, отмѣченный судьбой.
Мудръ и свѣжъ, могучей силой
Долженъ слова обладать;
Щедръ и нѣженъ, что бѣ для милой
Могъ онъ рай земной создать.
Чистъ—отъ грязныхъ думъ, мечтаній—
Возмужалости порой,
Въ комъ-же нѣтъ сихъ сочетаній,
Тотъ въ любви ужъ не герой.

* *
*

Свѣтъ „любовь“ съ „развратомъ“ влѣ-

жетъ,

Но развратъ не есть любовь;

Кто любилъ, тотъ вѣрно скажетъ:

«Внавѣ въ развратъ, не любяте
вновь!»

Ясна очень здѣсь граница

Чувства чести и стыда:

Здѣсь— „животные“, тамъ— „лица“

Не смѣшайте никогда!

* *

*

Не любовь—объятыя, слезы,

Поцѣлуй наглеца;

Возбужденіе и грезы,

Иль лобзанья безъ конца.

Есть секретъ любви свободы:

Пусть любовь есть *тайна духъ!*

Тайна чудныя природы,

Гдѣ царитъ надъ плотью духъ....

И тогда у алтара

Вдохновенный этой силой—

„Онъ претерпитъ гнѣвъ Царя,

Но исполнитъ волю милой!“

* *

*

Не любовь—кто разбираетъ

Красоту, какъ внѣшній даръ;

Тотъ природу презираетъ;

У того страстей угаръ!

* *

*

Для меня любви гаданья,
Знойный призракъ, просто дымы
Мнѣ дались однѣ страданья:
Я люблю, но... не—любимъ!
Испытавъ любви мытарства,
Я прошу „её“: «вели
Дать цѣлебнаго лекарства
Иль могилу вглубь земли!!»

* *
*

Помни авторскую совѣсть,
Долженъ вамъ я передать,
Что у Персовъ эту повѣсть
Взялъ я съ цѣлью въ свѣтъ из-
дать.
Смысль ее одѣлъ въ порфиру,
Слово—въ перлы нанизалъ,
И свою настроилъ лиру,
Повѣсть въ „рифмахъ“ написалъ.
И моимъ угасшимъ взорамъ
Нужно вновь сіянье дня,
Что-бъ широкимъ кругозоромъ
Жизнь глядѣла на меня.
Хоть любви и сердце просить,
Но боюсь ея затѣй,
Дальше мысль меня уносить
Отъ любви и отъ людей...

* *
*

364135340
308701901000

Каждый въ жизни этой воленъ
Управлять самимъ собою;
Но и каждый быть доволенъ
Долженъ „*посланной*“ судьбою.
И слагая такъ всецѣло
Этотъ терминъ неизмѣнный:
Пусть-рабочій знаетъ *дѣло*,
Воинъ знаетъ *ключъ военный*.
Даже тотъ, кто въ низшей долѣ
Жить себя не приучаетъ,—
Пусть живетъ „свободной волей“,—
Свойства сердца изучаетъ.
И тогда, какъ лучъ денницы,
Вспыхнетъ чудно предъ очами:
Свѣтлой мудрости границы
Для него блеснутъ лучами...

* *
*

Мудрость есть и въ нашемъ словѣ,
Духъ поэзію являетъ,
Мысль безъ слова какъ въ оковѣ;—
Слово душу окрыляетъ.
Слово есть разсадникъ „*слога*“,
Сочетаній формъ прелестныхъ,
Слово вѣдь, слагая строго,
Наукаетъ безсловесныхъ.
Говоръ длинный и несвязный,
Неуклюжія картины

Облекаетъ въ блескъ алмазный

И въ сапфиры и рубины.

* *
*

Если конь, красною чудный,

Вьется, сбруею звеня,

Нуженъ путь далекій, трудный,

Что-бъ вѣдокъ цѣнилъ коня.

Если бьютъ, гремятъ литавры

И борцы на бой идутъ,

То стяжать чтобъ съ боя лавры,—

Нужны: ловкость, сила тутъ.

* *
*

Такъ поэтъ, могучей властью

Создаетъ себѣ кумирь

И, огня душевной страстью,

Въ бой зоветъ онъ цѣлый міръ.

И звучать тѣ пѣснопѣнья,

Пѣсни длинной и живой,

Пѣсни полной вдохновенья,

Пѣсни чудно-огневой. . .

А поэтъ. . . не по призванью,

Есть писака—не пѣвецъ;

Онъ, по общему названью,

Средь живыхъ людей „мертвецъ!“

Богъ! спаси насъ отъ урода;

Пусть его не знаетъ свѣтъ;

Нуженъ намъ пѣвецъ народа,

Чистый, призванный поэтъ!

Нуженъ намъ, укажемъ снова,
За поэзію боець;
Нуженъ намъ хранитель слова
И его живой творецъ. . .

* *
*

Не поэтъ, кто для соблазна
Двѣ—три пѣсни пропоеть;
Эта сила безобразна,
Это просто идіотъ!
Эти люди „духомъ—нищи“,
Ихъ на свѣтъ влечетъ задоръ;
Нѣтъ у нихъ духовной нищи,
Умъ и сердце—чистый вздоръ!
Ихъ убогія творенья
Только вывѣска, ярлыкъ,
Иль патентъ для пѣснопѣнья
Въ стихотворный ладъ и крикъ!

* *
*

Не поэтъ, кто силъ не чуетъ
Душу „словомъ“ потрясти,
Кто пороковъ не бичуетъ,
Кто не смѣетъ *сверхъ роста!*
Пѣснь его подобна луку
Съ стрѣлкой, въ мальчика рукахъ:
Онъ нагонитъ только скуку
Иль улыбку на устахъ.
Онъ стрѣлокъ по мелкой дичи,
Крупной онъ боится самъ;

Какъ его ни возвеличи,
А въ итогѣ выйдеть хамъ!

* *

Третій родъ поэтовъ годенъ
На гулянкахъ, на пирахъ;
Къ нимъ онъ какъ-то духомъ сроденъ,
Если духъ есть *просто прахъ!*
Всѣ писаки этой шайки
Не страшны; отъ нихъ нѣтъ бѣды:
Это просто попрошайки
На пріятельскій обѣдъ!
Ихъ вранье всегда не-ново,
Хоть какой ни-есть сумбуръ:
Если ясно и толково,
Свяжутъ ловкій каламбуръ!

* *

Нѣтъ! . . . поэтъ тотъ, кто таланта
Силь не тратитъ безъ нужды;
И кто съ силою гиганта
Чуждъ и злобы и вражды!
Кто паитьемъ вдохновенный,
Жизнь въ поэзіи найдетъ
И, храня огонь священный,
Съ нимъ въ могилу низойдетъ!
Онъ могучъ и онъ незлобенъ;
Онъ поэтъ родной всѣхъ странъ;
Онъ излить на міръ способенъ
Музыкальный океанъ. . .

Евгеній Сталинскій.

